

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/77/8

**Разинский мотив утопления княжны
в литературе о Гражданской войне («Княжна» А. М. Соболя
и «Повольники» А. С. Яковлева)**

Ольга Алексеевна Симонова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия
osimonova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

Аннотация

Мотив утопления персидской княжны – центральный для сюжета, связанного со знаменитым казачьим атаманом Степаном Разиным. Писатели, помещавшие его в реалии Гражданской войны, переосмыслили разинский сюжет. Княжна из безликой и безымянной фигуры превратилась в полноценного персонажа, активно действующего (А. М. Соболев «Княжна») либо играющего ключевую роль в изменении судьбы главного героя (А. С. Яковлев «Повольники»). Таким образом, традиционные роли в разинском сюжете интерпретировались по-новому. Инициативность героини непосредственно обусловлена участием женщин в Гражданской войне, поэтому в этот период «княжна» обретает субъектность в художественных текстах, а целеполагание ее поступков и влияние на события, описанные в произведении, осмысляются авторами.

Ключевые слова

утопление персидской княжны, Гражданская война, социальный конфликт, женские образы, гендер

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН

Для цитирования

Симонова О. А. Разинский мотив утопления княжны в литературе о Гражданской войне («Княжна» А. М. Соболя и «Повольники» А. С. Яковлева) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 97–109. DOI 10.17223/18137083/77/8

© Симонова О. А., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 97–109
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 97–109

Razin's motif of the Princess's drowning in the literature about the Russian Civil war ("Princess" by Andrey Sobol and "Povolniki" by Alexander Yakovlev)

Olga A. Simonova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
osimonova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>

Abstract

The motif of the Persian Princess's drowning was central to the plot connected with the figure of the famous Cossack ataman Stepan Razin. The motif became popular in Russian literature. The most famous was a song based on the words of Dmitry Sadovnikov, "Iz-za ostrova na strezhen..." ("Round the island to the midstream..." (Stenka Razin Song)), which served as the basis for the subsequent perception of the motif. The story of A. Sobol, "Princess" (1924), and the novel of A. Yakovlev, "Povolniki" (1922), embody the text of Sadovnikov's song. The character and action of the "ataman" were close to the Razin's ones. However, the reasons that caused the action and the image of the Princess were different. The heroine turns from a faceless and nameless figure into a full-fledged character, actively acting (A. Sobol "Princess") or playing a key role in changing the fate of the main character (A. Yakovlev "Povolniki"). Sobol's "princess" Natasha Toropova only pretends to be submissive to the "ataman" who loves her: in fact, she has her own ideas and views and became a Chekist in order to implement them. Silly but pretty Ninochka from "Povolniki" brings the hero to the embezzlement, resulting in the death penalty for both of them. Thus, the traditional roles in Razin's story are interpreted in a new way. The initiative of the heroine is directly due to the participation of women in the Civil war: during this period, the "princess" acquires subjectivity in literary works.

Keywords

the drowning of a Persian Princess, Russian Civil war, social conflict, women images, gender

Acknowledgements

The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project no. 19-78-10100)

For citation

Simonova O. A. Razin's motif of the Princess's drowning in the literature about the Russian Civil war ("Princess" by Andrey Sobol and "Povolniki" by Alexander Yakovlev). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 97–109. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/8

Образ Степана Разина как народного атамана был популярен в культуре Гражданской войны и в революционную эпоху¹. В литературных произведениях образ Разина зачастую становится олицетворением стихийного начала народного бунта. Актуализировались и мотивы связанной с Разиным легенды об утоплении персидской княжны. На сегодняшний день исследователи сходятся во мнении, что, хотя упоминание этого эпизода восходит к запискам современника Разина голландца Я. Я. Стрейса, скорее всего, в реальной биографии атамана его не было [Королев, 2004; Неклюдов, 2016, с. 157], в песенной фольклорной традиции он также не запечатлен. Однако именно этот эпизод получил наибольшее распро-

¹ Так, в 1920-е гг. были осуществлены оперные постановки «Степан Разин» П. Н. Триодина и «Стенька Разин» С. В. Бершадского [Неклюдов, 2016, с. 359].

странение в связи с фигурой Разина. Из основанных на этом сюжете литературных произведений (а дань ему отдали многие русские писатели и поэты начиная с А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) наибольшую известность получила популярная песня на слова Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (Из «Волжских песен», 1883), которая, собственно говоря, и стала прецедентным текстом, задающим восприятие сюжета. Говоря о начале XX в., это отметил поэт Варлам Шаламов: «Буквально все авторы произведений о Разине той поры пользовались не архивными материалами, новыми или старыми, а известной популярной песней Садовникова “Из-за острова на стрежень”, где утопление княжны было центром мелодраматического сюжета, не имеющего никакого отношения к подлинным событиям жизни Степана Разина. Мелодраматическая сторона дела тут сыграла главную роль» [2005, с. 219].

Вхождению этой песни в русскую культуру и переосмыслению ее сюжета в художественной литературе посвящен большой раздел монографии С. Ю. Неклюдова «Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты» (2016). О начале XX в. исследователь пишет: «Сюжет об утоплении персиянки к тому времени уже прочно укоренился в сознании русской публики, став своего рода “основным мифом” разинского цикла» [Неклюдов, 2016, с. 384]. Для анализа Неклюдов выбирает произведения, где речь идет именно об осмыслении образа Степана Разина. Между тем, как показывает М. Н. Климова, образ народного атамана часто не персонифицировался, и связанные с Разиным мотивы, будучи оторванными от его фигуры, получили воплощение в балладах Лермонтова «Атаман» и «Дары Терека», черты сюжета можно обнаружить в произведениях Ф. М. Достоевского «Бедные люди», «Хозяйка» и «Бесы» [Климова, 2016, с. 163–165].

Во время Гражданской войны и в литературе о ней фигура Разина становится нарицательной, с ним и его историей соотносятся разные военные деятели: от Чапаева (в романе Д. А. Фурманова) до Нестора Махно (в воспоминаниях и исследованиях). «Перенаписание» эпизодов биографии Стеньки Разина в новых исторических реалиях еще недостаточно изучалось литературоведами. Подробный разбор сделан лишь в небольшой статье Р. М. Ханиновой [2009], в которой исследовательница обращает внимание на гендерный аспект подобных произведений, определяющий психологический ракурс разинского мотива. В данной статье мы обратимся к текстам, где действует типологически сходный с Разиным «атаман» и повторяется ситуация утопления женщины. Эта история появляется в рассказе А. Соболя «Княжна» (1924) и повести А. С. Яковлева «Повольники» (1922). Показательно, что в обоих произведениях инсценируется текст песни Садовникова, т. е. зависимость от нее сюжета об утоплении княжны проговаривается напрямую. Посмотрим, как встроена в авторский текст песня Садовникова, как сюжет трансформируется в связи с Гражданской войной. Нас будет интересовать, как конструируется история с княжной и формируется образ девушки, претендующей на эту роль, как выстраиваются образы «атаманов».

Начнем с рассказа Соболя «Княжна», как более компактного, в центре которого сюжет взаимоотношений «атамана» и «княжны». Рассказ сложно устроен: он подобен матрёшке, в которой каждый новый рассказ помещен внутрь предыдущего. Соответственно, в нем несколько рассказчиков. Главный рассказчик (назовем его «рассказчик-1») – бывший фокусник, шпагоглотатель, выслушивает рассказ бывшего поэта, своего знакомого по парижской эмиграции, окружного военного комиссара. Комиссар (рассказчик-2), в свою очередь, рассказывает историю, которую услышал от «атамана» и дорисовал по своим впечатлениям: он был ее сви-

детелем, видел ее героиню. Он выступает автором истории, образность которой, вполне возможно, определяется его поэтическими склонностями: «когда-то он писал очень нежные стихи о прекрасной несуществующей любви» (Соболь, 1927, с. 68). Рассказчик-2 узнал историю «атамана» от него самого. Тот, в свою очередь, повторил поступок Разина с княжной, а еще точнее – реализовал эпизод из песни Садовникова. Текст песни, таким образом, является квинтэссенцией всего рассказа, кульминацией сюжета, с одной стороны, а с другой – отправной точкой, вокруг которой накручиваются остальные нарративы. Так, подчеркнутая литературность становится авторской установкой, определяющей содержание всего рассказа. Маркером того, что это не прямой слепок с реальности, а пересказывание некоей легенды, является уподобление ее «присказке»: рассказчик-1, упоминая о смерти рассказчика-2, говорит: «Но об этом в другой раз, потом, когда дойдет черед и до этой присказки» (Соболь, 1927, с. 68). История к моменту рассказывания уже будто успела потерять свою индивидуальность и стать фольклорной. Вторичность ее определяется и тем, что она буквально повторяет историю Разина.

Тщательно создаваемая условность действия поддерживается имитацией формы пьесы, когда в начале произведения задаются время, место действия и состав действующих лиц:

ВРЕМЯ – 1920 ГОД. Март, хотя и южный, но все еще в снежной путанице.

Место – вагон, бывший служебный; два купэ разобраны, и получилось нечто вроде салона, – не то столовая, не то походная канцелярия.

Мой хозяин – окружной военный комиссар.

<...>

Я – штатская личность, случайно попавшая в гущу шинелей, донесений, пулеметных лент (Соболь, 1927, с. 67).

Действующие персонажи низведены до характеров разинской истории даже по именам – «атаман» и «княжна». «Атаман» – предчека – предстает человеком с твердым характером, лишенным эмоций. Даже больше: его характер изначально показан не как живой человеческий, а как абстракция:

Мне всегда казалось, что этот человек не умеет ни плакать, ни смеяться.

Я завидовал ему, но где-то в глубине своих древних, не изжитых кусочков содрогался: как! – ни слез, ни смеха? Абстракция, обведенная широкими плечами? Голая идея, втиснутая в могучую грудную клетку? (Соболь, 1927, с. 70).

Поступки «атамана» определяются заданными извне идеями. Непримиимость к врагам революции превращает его в идеального ее работника, по словам «княжны» Наташи:

Берите пример с него. Вот это работник. Только с такими революция победит (Соболь, 1927, с. 73).

Но, будучи подчинен общей идее, он способен испытывать искренние и справедливые чувства – атаман сочувствует невинно и зверски убиенной девочке, в то же время совершенно не обращая внимания на мародеров. Демаркационная линия отношения героя к людям проходит по функции, которую они выполняют в Гражданскую войну: «атаман» испытывает чувства к обычным людям, но не к врагам. Раскрыть эту черту в характере «атамана» помогает параллельная ситуация,

приведенная в начале рассказа: рассказчик-2 – военный комиссар – спасает от расстрела рассказчика-1. В этой не до конца проговоренной истории действуют не абстрактные, а живые люди, способные понять поступки другого.

Посмотрим, какие черты в образе «атамана» соотносятся с чертами Разина, восстанавливаемыми как по народным песням, так и по историческим и художественным произведениям:

- прежде всего то, что он, собственно, атаман, предводитель войска («прозвали его давно уже “атаманом”, еще в 1908 году, когда за собой весь полк повел» (Соболь, 1927, с. 70));
- сила характера, соотносимая с физической мощью («Там вырастают такие плечи и такие сердца» (Соболь, 1927, с. 70));
- богатырь («А он, кудрявый, на две головы выше всех, широкогрудый, вот такой, как рисуют богатыря в степи вольной» (Соболь, 1927, с. 71));
- упорство, несгибаемость («А встал – опять то же упорство, та же неукротимая воля. Все согнулись – он один не гнулся» (Соболь, 1927, с. 70)).

Соболь выделяет две черты «атамана», которые сложно приписать Разину. Молчаливость «атамана» («Он всегда молчал, но всегда был впереди. Для слов он уступал место другим, для дела он требовал себе опасные места» (Соболь, 1927, с. 70)) в противовес разговорчивости Наташи инверсивна разинскому сюжету, в котором молчалива как раз княжна («Неподвижна, молчалива» (С. Н. Мельников «Атаман»), цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 459], то же в песне Садовникова). Отсутствие жестокости («он не был жесток» (Соболь, 1927, с. 71)) у соболевского «атамана» также противоречит типичному представлению о Разине (в исходном тексте легенды – изложении Стрэйса о Разине: «Он совершил следующую необдуманную жестокость»; «Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью», цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 441]).

Несмотря на вроде бы индивидуальный характер, акцентируется ходульность, персонажность образа «атамана». Его обезличенность подчеркивается и отсутствием имени, и кличкой «атаман», сразу же абстрагирующей героя. Вообще, характерно отсутствие имен у всех действующих лиц, кроме Наташи Тороповой. Но и ее имя в конце концов оказывается метафорично, литературно: героиня оказывается княжной Муравлиной (фамилия Муравлин – это литературный псевдоним князя Д. П. Голицына). Партийные клички вполне соответствовали большевистской практике, их употребление в соответствующем временном контексте не должно удивлять. Но, как отмечает В. И. Хазан, «чужое имя или отсутствие имени вообще, анонимность, граничащая с таинственно-загадочным (включая частичную или полную конспирацию) существованием», – особенность произведений Соболя [Хазан, 2015, с. 637]. Такая особенность служит изменчивости личности героев, смене идентичности, что и происходит с товарищем Наташей, оказавшейся шпионкой. В то же время через открытие имени ее личность обретает плоть, тогда как остальные персонажи так и остаются театральными масками.

Если сравнивать с историей Разина, то ни в одной из трактовок такой деятельной героини нет. В песне Садовникова княжна – изначально чужая, иностранка, безвольная, бездейственная, подчиненная: «А княжна, склонивши очи, / Ни жива и ни мертва, / Робко слушает хмельные, / Неразумные слова». У Соболя княжна – активный персонаж, что характерно для положения женщины именно в Гражданскую войну. Княжна – товарищ по ЧК Наташа Торопова – после разоблачения оказывается шпионкой, агентом добровольцев. Но ее внешность уже с начала рас-

сказа намекает на ее «чуждость», подчеркивается ее схожесть с азиаткой, восточные черты:

Дурнушка, с чуть раскосыми глазами, она казалась такой же незаметной, как пепельница на столе предчека (Соболь, 1927, с. 72).

Неоднократно в рассказе она называется просто раскосой. В дореволюционной культурной парадигме азиатская внешность могла свидетельствовать о шпионской деятельности. (Достаточно вспомнить о шпионии по отношению к японцам², о «желтой опасности»; яркими литературными проявлениями этого восприятия стали рассказ А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» и роман «Петербург» А. Белого [Воробьева, 2018, с. 172; Мароши, 2003, с. 49–50].) Отрицательные черты героини не показаны нарочито, но легко прочитываются. Минимум деталей в описании героини имеет, по определению Хазана, «конспиративную» или «детективную» семантику [Хазан, 2015, с. 650], ее внешность сразу намекает на ее инородность.

Эпизод с «княжной» полностью выстраивается с опорой на песню Садовникова, которая развертывается в ситуации катания на лодке и утопления девушки. Сама песня не звучит в рассказе, она упоминается рассказчиком-2, который сразу заостряет «одурачивание» «атамана», еще не ставшее очевидным слушающему:

И любимой песней ее была песня о Стеньке Разине, о княжне персидской, об атамане, что бабой стал (Соболь, 1927, с. 73).

«Обабивание» «атамана» не только отсылает непосредственно к тексту песни, но и создает гендерный перевертыш: герой подчинился, поверил любимой, а «княжна» обманула, оказалась предательницей. «Слова любви» говорит героиня, она будто прописывает себя через песню Садовникова: «Ты – атаман мой. Мой, мой. Сильный, сильный. А я княжна твоя, маленькая, персиянка твоя. Вся в твоих могучих руках. Но знаю, знаю: не бросишь, не кинешь. Любишь? Любишь?» (Соболь, 1927, с. 73), предначерчивая другое развитие сюжета. Так, в театральной условности взаимоотношений героев Наташа изображает песенную безропотную княжну.

Но если характер и поступок «атамана» близки разинским, то причины, обусловившие его, как и образ княжны, оказываются иными. «Княжна» оказывается не той, за кого себя выдавала. В песне Садовникова Разин топил княжну как мешающую ему быть с товарищами. У Соболя «княжна» вначале и есть лучший товарищ «атамана» по работе, он топил ее, когда узнает, что на самом деле она не товарищ, а шпионка, готовящая заговор. Иначе говоря, героиня гибнет, когда обнаруживается, что она враг (что, как мы помним из определения характера «атамана», соответствует его представлению о людях во время войны). И в то же время происходит выход в реальность, разоблачение метафоры. Из песенной персидской княжны героиня превращается в реальную княжну.

В этот момент заостряется социально-классовая сторона ситуации, обозначая главный конфликт Гражданской войны. Хотя эта же социальная разница была заложена в истории Разина, она в переложениях легенды не развивалась до отдельного конфликта. Богатство и знатное происхождение персидской княжны не являлись основанием для ненависти к ней. Положение женщины того времени,

² В повести «За что?» Л. А. Чарской преподавательница имеет прозвище «Японская шпионка» [Головин, 2018, с. 71].

в особенности восточного происхождения, обуславливало покорность и молчаливость княжны. У Соболя принципиально другая ситуация, показывающая женщину начала XX в., а потому гораздо более самостоятельную и активную. Героиня только играет в покорность любящему ее «атаману», на самом деле Наташа – девушка с собственными идеями и взглядами, ставшая чекисткой ради их воплощения. Как отмечает Хазан, рассказ Соболя оказывается тематически сопряжен с рядом текстов его современников: в одной из типичных сюжетных линий 1920-х гг. женщина втирается в доверие к начальнику-коммунисту [Хазан, 2015, с. 646–649].

Как и в садовниковской песне, жизнь «княжны» в рассказе обрывается насильно, она становится жертвой. Но активность героини определяет всё повествование: она обретает собственную биографию, из княжны став чекисткой, а потом оказавшись шпионкой: определяющими в ее судьбе становятся ее взгляды, что подразумевает субъектность героини. Таким образом, убийство получает мотивировку, связанную с личностью княжны, а не обусловленную исключительно волей атамана (жертвоприношение, безумный поступок или решение Разина быть верным товарищам), как в абсолютном большинстве текстов предшественников. Так, можно выделить два ключевых момента, меняющих сюжет. «Княжна» субъектна, принимает собственные решения, определяющие ее поступки. Поступок «атамана» обусловлен поступком «княжны», т. е. не он, а она определяет развитие действия. Но основная интенция песни Садовникова сохраняется – «атаман» остается верен своим товарищам по революции, потому совершает такой поступок. Это решение дается ему не так легко, как Разину в песне. Сама ситуация утопления – это ночное убийство без свидетелей, после которого «атаман» испытывает тяжкое чувство, на некоторое время уходит от людей.

Соболь переписывает известную историю в новых социальных и политических условиях. Сюжет песни, которую персонажи воспринимали в шутовском тоне, реализовался в их жизни. «Атаман» оказался вынужден совершить предписанное убийство, так как действовал в заданных условиях. Соболь показывает, как человек выполняет навязанную, предписанную ему роль. В то же время созданная им героиня – самостоятельный персонаж, что резко противоречит содержанию песни.

Если у Соболя княжна – смысловой центр рассказа, к истории с которой стягивается весь рассказ, что отражено и в названии, то заглавие повести Яковлева «Повольники» охватывает целый род вольно живущих людей, и ситуация с княжной становится лишь одним из эпизодов произведения. «Атаман» здесь – наследник волжских разбойников-лихачей, самый первый из которых Ванька Боков грабил купеческие суда с разинским кличем «Сарынь на кичку». Из поколения в поколение рождались такие «атаманы» в семье, начиная со времен Степана Разина:

И пили здорово. И голосино несли по наследству. И буйны были в пьяном виде (Яковлев, 1928, с. 13).

Последний из них – герой повести, инсценирующий песню Садовникова, Герасим (Гараська) Боков, ставший при большевиках главой ревкома:

Здоровый, – в плечах косая сажень с четвертью, глаза черные, лицо смуглое, выразительное, брови насуплены, срослись над переносьем, а глотка, что труба... (Яковлев, 1928, с. 40).

Здесь, в противоположность рассказу Соболя, атаман – не упорный, несгибаемый человек с железной волей, а лихой, жестокий разбойник:

Он был на самом деле человек храбрый и решительный. Прадедова кровь, старая, повольная, бурлила. <...> Что ж, у него – живо. Революция – все на парах, одним махом, в двадцать четыре часа (Яковлев, 1928, с. 49).

Подчеркивается наследственное буйство героя, неуправляемость, поэтому его стихией так удачно оказывается революция:

Этот революционный пляс стал сильнее его воли, потому что будил в нем подземное, прадедовское, повольное, и звал, и не давал покоя (Яковлев, 1928, с. 41).

Через географическую соотнесенность (Боков – уроженец волжского села, вся его деятельность разворачивается на Волге) и через биографическую (потомок атамана-разбойника) герой уподобляется Разину. Связанной с разинским эпизодом утопления княжны оказывается и литературная символика имени Герасима (как имя литературного персонажа оно наиболее известно по повести И. С. Тургенева «Муму»; кстати, в повести «Коновалов» М. Горького, сильно интересовавшегося фигурой Разина, эти две истории сопряжены – объектом чтения героев становятся и «Бунт Разина» Н. И. Костомарова, и «Муму»).

Героиня, которой суждено оказаться в роли разинской княжны, – Ниночка Белоклюцкая – «глупенькая немного, но хорошенькая, словно куколка» (Яковлев, 1928, с. 43), – символически связана с водой. Ее фамилия происходит от родового имени Белый ключ, есть в ней и что-то русалочье: «видали ее и на Песках на Волге ночью, будто она с офицерами... купалась будто...» (Яковлев, 1928, с. 44). Несмотря на иронию в изображении героини, в авторском повествовании высвечиваются мысли Ниночки, важен ее взгляд на происходящее. Повествователь показывает ее точку зрения: вначале она была против революционеров, «этих, новых-то законодателей» (Яковлев, 1928, с. 45); «И какой острой ненавистью пылала она к этой бунтующей солдатне...» (Яковлев, 1928, с. 45). Но вскоре Ниночке, ставшей барышней в совете, удается возвыситься до должности секретаря Бокова. И это, безусловно, ее заслуга, она обладает традиционными женскими достоинствами – умеет хорошо одеваться и причесываться.

Момент сближения со стороны Герасима выглядит как момент поглощения. Показана его точка зрения: «От нее духами. Ноздри у Бокова ходенем ходят. Вот бы всю втянул ее...» (Яковлев, 1928, с. 48); «Вот бы, вот так и проглотил бы Ниночку со всеми ее бумагами...» (Яковлев, 1928, с. 53). Боков объективирует героиню – вплоть до низведения ее до еды, что показывает его отношение к Ниночке. Но героиня оказывается гораздо более субъектна, чем Боков может предположить.

Сразу же заостряется социальное неравенство героев, Ниночка, так же как Наташа у Соболя, дворянского происхождения. Подчеркивается, что Ниночка чужда революции, она пользуется ею в своих интересах. Как и у Соболя, социальная разница, заимствованная из истории Разина, оказывается определяющей в ситуации Гражданской войны, она фактически задает предательство со стороны «княжны».

Эпизод в лодке подчеркивает богатство гуляющих, ковер, который стелют на дно, является одним из элементов легенды о княжне, он отсылает как к преданию

из Собрания Садовникова³, так и к эпизоду из популярной кинокартины о Степане Разине, первого российского игрового фильма, «Понизовая вольница» (1908), где персидская княжна танцует на ковре. У Яковлева: «Нина приказала принести ковер, и улеглась на нем, довольная, как победительница» (Яковлев, 1928, с. 59). Вскоре любимая песня Бокова, которой вполне в логике повествования оказывается «Из-за острова на стрежень», становится импульсом к ее инсценировке самим героем. Песня отрывками звучит в тексте. Если фразу «Волга, Волга, мать родная...» еще поет Ниночка (что вновь подсвечивает водную символику ее образа), то основное действо Боков проговаривает сам, сопровождаемый хором публики с других лодок, еще не осознавшей происходящее: «Мощным взмахом поднимает / Он красавицу-княжну... / И далеко прочь бросает... / В набежавшую волну». Сама попытка утопить девушку выглядит, не в пример поступку соболевского «атамана», не мотивированной никакими внешними поступками, кроме как подчинения пьяного человека зову песни:

Боков поднял голову и тупо посмотрел кругом – на товарищей, оравших песню, на пьяненькую Нину, на дальние берега, и вдруг поднялся – большой, чернявый, вытянул руки в стороны, взмахнул и заорал громче всех, прадедовским оглушительным голосом:

Мощным взмахом поднимает
Он красавицу-княжну...
(Яковлев, 1928, с. 59–60).

Ср. с песней Садовникова: «Гневно кровью налилися / Атамановы глаза, / Брови черные нависли, / Собирается гроза...», где решение Разина выглядит осмысленнее, и он произносит речь, объясняющую его поступок. Боков, пьяный от самогона, предстает лишенным рассудка человеком, действующим по инструкции песни. Пьянство упомянуто в песне Садовникова («Насмешки, шепот / Слышит пьяный атаман»), восходя еще к воспоминаниям Стрёмса, в версии которого Разин совершает свой поступок, «придя в неистовство и запьянев» (цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 441]). В самой повести Боков ни разу не назван атаманом, и только в этом моменте с попыткой утопления Ниночки упоминается «большая “атаманская” лодка» (Яковлев, 1928, с. 61). Другими словами, один эпизод почти случайным образом превращает персонажей в героев разинской истории (что расходится с соболевским рассказом, где соответствия выстраивались последовательно на протяжении всего повествования).

Критики творчества Яковлева обращали внимание на этот разинский мотив. Н. Леонов считал, что «сцена катания в лодках и желание автора драматизировать известную песню о Стеньке Разине в образах Бокова и Ниночки – очень слаба и наивно надуманна» [Александр Яковлев, 1929, с. 216]. Ив. Кубиков отмечал, что в описании попытки Гараськи повторить разинский поступок происходит снижение фабулы: Ниночка начинает вывертываться, «как змея», вцепляться в лодку, «как гвоздь», и визжать. В этом критик видит превращение «романтики легендар-

³ «Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих – большой ковер, и сказал: “Грянем, ребята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а на утро будем в Рыбинском!” Плыли они пугину, молода его жена и сказала: “Куда ты меня завезешь?” А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой! Словом ее огорошил – княгиня полетела вплоть до дна» (Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. (2-е изд.: Самарский обл. центр нар. тв-ва. Вып. I–II, 1993). № 110 (с. 130). Цит. по: [Неклюдов, 2016, с. 463].

ного поступка Разина» в «пошлейший фарс, творимый пьяным самодуром, по недоразумению ставшим у власти...» [Александр Яковлев, 1929, с. 28]. Стоит критически отнестись к поиску романтики в убийстве женщины (хотя для русских поэтов XIX в. Разин был именно романтическим героем [Неклюдов, 2016, с. 244]), но сама сцена оценена вполне точно, в ней нет и намека на сложный выбор, стоящий перед Разиным, а есть только импульсивный поступок, вполне соответствующий характеру Гараськи. Исследовательница М. Белова полагает, что через сатирическое обыгрывание разинского поступка писатель выражает свое отношение к герою повести [1967, с. 36–37].

И хотя Бокову не удается утопить Ниночку, ее жизнь всё же заканчивается. Как и в истории Степана Разина, «атамана» казнят, а вместе с ним казнят и героиню. Причина – растрата государственных денег, которую организовал «змеи-искуситель» адвокат Лунев, через Ниночку склоняя Бокова подписывать нужные бумаги. Таким образом, роль «княжны» в этой истории повышается, героиня преследует свои цели. Значение ее действий оказывается настолько велико, что влечет за собой смерть героев. Ниночка так же мало похожа на безвольную княжну Разина, как и Наташа у Соболя, хотя она преследует не политические цели, а стремится к обогащению.

Таким образом, для писателей, осмысляющих феномен революции и Гражданской войны, разинский сюжет оказывается актуальным. По крайней мере, еще две составляющие, напрямую связанные с разинским мифом, возникают в текстах данных авторов: это представление о революции как народном бунте и феминизм как одна из ее практик. В рассказах Яковлева революция предстает как стихия, разгул народной воли. Характерный разинский клич звучит в повести А. Соболя «Салон-вагон»: «Сарынь на кичку, молчавшие досель». В «Мемуарах веснушчатого человека» поэт Алёша Кавун говорит рассказчику: «Напишу вот поэму про Стеньку Разина – шубу себе енотовую сошью, цилиндр надену, в Мексику поеду» (Соболь, 1927, с. 137). Так, для Соболя разинская тема становится сквозной, обнаруживая себя в разных текстах.

О феминизме этого периода М. М. Пришвин напишет в дневнике, обращаясь всё к тому же сюжету: «Было время революции, когда с женщинами обращались приблизительно так, как Степан Разин со своей княжной» [Пришвин, 2003, с. 428]. Примеры призывов к феминизму и осуществленное убийство женщины встречается в произведениях о Гражданской войне и упомянутых авторов. В повести Яковлева «Терновый венец» толпа призывает утопить женщину, из-за голода бросившую в Волгу своего грудного сына. В рассказе Соболя «Когда цветет вишня», иллюстрирующем сюжет Кармен, главная героиня Марина, не желая продолжать жить с нелюбимым атаманом Дзюбой, упрямивает еврея-анархиста увезти ее, за что атаман убивает ее. Таким образом, убийство женщин в Гражданскую войну зачастую определялось непокорностью героинь, их желанием самостоятельно выстраивать свою жизнь.

В проанализированных произведениях героини – не главные персонажи. Они не являются жертвами обстоятельств (как разинская княжна), не вызывают сочувствия, это скорее отрицательные персонажи. Но за немногословной фигурой появляется биография, судьба, субъектность. Они действуют в своих интересах, противоречащих целям чуждой им революции. Деятельность героинь приводит их к гибели. В рассмотренных произведениях борьба между мужчиной и женщиной в соотношении с их положением в Гражданской войне оказывается борьбой между «своим» и «чужим». В рамках репрезентации «свой / чужой» героиня маркируется

как чуждый элемент, что типично для традиционной гендерной оппозиции, в которой мужчина имеет положительную функцию, женщина – отрицательную.

Главным в конфликте «атамана» с «княжной» оказываются предательство женщины и ее измена, не характерные для традиционного разинского сюжета. Самое большое самостоятельное действие княжны в предыдущей традиции была нелюбовь к Разину: поступок атамана объяснялся неуступчивостью княжны. (Стихотворный цикл М. Цветаевой «Стенька Разин» (1917), что, вероятно, отсылает к одной из редакций народной драмы «Лодка», в которой пленница не соглашается быть любовницей атамана, чем обрекает себя на смерть [Неклюдов, 2016, с. 336–337]). И у Соболя, и у Яковлева показана обманная любовь княжны, героиня «влюбляет» в себя «атамана», чтобы завладеть им (у предшественников встречалась только чистосердечная любовь или нелюбовь).

Сама ситуация формально та же – атаман разыгрывает утопление княжны. В обеих историях действие театрализовано: «атаман» сознательно инсценирует песню Садовникова, в которой изначально заложено «руководство к действию» для героя – утопление героини. Но новая трактовка причин поступка обусловлена Гражданской войной (новое положение женщины, ее активность, последствия активности). Разинская княжна – невольная жертва обстоятельств – в Гражданскую войну превращается в виновницу постигшей ее гибели. Так, происходит расширение традиционного сюжета, теперь княжна разделяет ответственность за поступок атамана.

Как отмечает Неклюдов, «сколь бы ни была велика амплитуда варьирования передаваемой таким образом легенды, она не выходит за пределы значений, которые заданы культурной традицией, современной тому или иному автору» [2016, с. 388]. Поэтому, по-видимому, героиня не может одновременно обрести субъектность и стать положительным персонажем.

Список литературы

Александр Яковлев: [Сборник]. М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1929. 239 с.

Белова М. П. Творчество Александра Яковлева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. 98 с.

Воробьева Э. А. «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 1 (35). С. 164–182.

Головин В. Творчество Лидии Чарской в прижизненной критике // Детские чтения. 2018. Т. 13, № 1. С. 62–91.

Климова М. Н. «Стенька Разин и персидская княжна»: становление одного русского мифа // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры: Материалы науч. междисциплинарной конф., Омск, 26–28 февраля 2016 г. / Сост. и отв. ред. Т. И. Подкорытова. Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2016. С. 159–168.

Королев В. Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев) // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника: Сб. ст. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. Вып. 2. С. 82–120.

Мароши В. В. «Монгольский миф» в русской литературе XX века // Вестник Том. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2003. № 1 (35). С. 48–54.

Неклюдов С. Ю. Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М.: Индрик, 2016. 552 с.

Пришвин М. М. Дневники / [Вступ. ст. В. Д. Пришвиной]. М.: Русская книга, 2003. Кн. 5: 1926–1927. 586 с.

Хазан В. И. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: ИД «Галина скрипит», 2015. 908 с.

Ханинова Р. М. Рассказы Андрея Соболя «Княжна» и Артема Веселого «Дикое сердце» в аспекте народной песни о Степане Разине // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2009. С. 220–223.

Шаламов В. Т. Поэт Василий Каменский // Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. и подгот. текста, примеч. И. Сиротинской. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. Т. 5: Всё или ничего: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. С. 211–223.

Список источников

Соболь А. Собр. соч. М.; Л.: Земля и фабрика, 1927. Т. 4: Китайские тени: вторая тысяча. 148 с.

Яковлев А. С. Повольники // Яковлев А. С. Полн. собр. соч.: С критико-биографическим очерком И. Кубикова и портр. автора. М.; Л.: Земля и фабрика, [1928]. Т. 2: Повольники. С. 7–68.

References

Aleksandr Yakovlev: *Sbornik* [Aleksandr Yakovlev: Collection]. Moscow, Koop. izd. pisateley “Nikitinskie subbotniki”, 1929, 239 p.

Belova M. P. *Tvorchestvo Aleksandra Yakovleva* [Creativity of Alexander Yakovlev]. Saratov, Saratov State University Publ., 1967, 98 p.

Golovin V. *Tvorchestvo Lidii Charskoy v prizhiznennoy kritike* [Literary works of Lidia Charskaia in the critical discourse of her lifetime]. *Children’s Readings*. 2018, vol. 13, no. 1, pp. 62–91.

Khaninova R. M. *Rasskazy Andrey Sobolya “Knyazhna” i Artema Veselogo “Dikoe serdtse” v aspekte narodnoy pesni o Stepane Razine* [Stories “Princess” by Andrey Sobol and “Wild heart” by Artem Vesely in the aspect of the folk song about Stepan Razin]. In: *6 Surguchevskie chteniya: kul’tura Yuga Rossii – prostranstvo bez granits: sb. materialov Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [The 6th Surguchev readings: culture of the South of Russia – the space without borders: Proc. of intern. sci. and pract. conf.]. Stavropol’, Stavropol SU Publ., 2009, p. 220–223.

Khazan V. I. *Zhizn’ i tvorchestvo Andrey Sobolya, ili Povest’ o tom, kak vse vyshlo naoborot* [Life and work of Andrey Sobol, or the Story of how everything turned out the other way around]. St. Petersburg, Izd. im. N. I. Novikova, PH “Galina skripsit”, 2015, 908 p.

Klimova M. N. “Sten’ka Razin i persidskaya knyazhna”: stanovlenie odnogo russkogo mifa [“Stenka Razin and the Persian Princess”: the formation of one Russian myth]. In: *Vstrechi i dialogi v smyslovom pole kul’tury: Materialy nauch. mezhdistsiplinarnoy konf., Omsk, 26–28 fevralya 2016 g.* [Encounters and dialogues in the semantic field of culture: Proceedings of a scientific interdisciplinary conference, Omsk, February 26–28, 2016]. T. I. Podkorytova (Ed.). Omsk, Omsk SPU, 2016. pp. 159–168.

Korolev V. N. Utopil li Sten'ka Razin knyazhnu? (Iz istorii kazach'ikh npravov i obychaev) [Did Stenka Razin drown the Princess? (From the history of Cossack mores and customs)]. In: *Istoriko-kul'turnye i prirodnye issledovaniya na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeya-zapovednika: Sb. st.* [Historical, cultural and natural studies on the territory of Razdorsky ethnographic museum-reserve: Coll. of art.]. Novocherkassk, UPTs "Nabla" Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), 2004, iss. 2, pp. 82–120.

Maroshi V. V. "Mongol'skiy mif" v russkoy literature 20 veka ["Mongolian myth" in Russian literature of the 20th century]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanities (Philology)*. 2003, no. 1 (35), pp. 48–54.

Neklyudov S. Yu. *Legenda o Razine: persidskaya knyazhna i drugie syuzhety* [The legend about Razin: the Persian Princess and other stories]. Moscow, Indrik, 2016, 552 p.

Prishvin M. M. *Dnevnik* [Diaries]. V. D. Prishvina (Intr. art.). Moscow, Russkaya kniga, 2003, bk. 5: 1926–1927, 586 p.

Shalamov V. T. Poet Vasiliy Kamenskiy [The Poet Vasily Kamenskiy]. In: *Shalamov V. T. Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols]. I. Sirotinskaya (Comp. and prep. of text). Moscow, TERRA–Knizhnyy klub, 2005, vol. 5. Vse ili nichego: Esse i zametki; Zapisnye knizhki 1954–1979 [All or nothing: Essays and notes; Notebooks 1954–1979]. pp. 211–223.

Vorob'eva E. A. "Prekrasnaya strana Yaponiya, prekrasnaya strana Rossiya": formirovanie i vospriyatie obraza vraga ["The beautiful country, Japan; the beautiful country, Russia": the paradoxes of the formation and perception of the enemy "Pattern image"]. *Ideas & Ideals*. 2018, vol. 1, no. 1 (35), pp. 164–182.

List of sources

Sobol' A. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1927, vol. 4. Kitayskie teni: vtoraya tysyacha [Chinese shadows: the second thousand], 148 p.

Yakovlev A. S. Povol'niki [Brigands]. In: Yakovlev A. S. *Poln. sobr. soch.: S kritiko-biograficheskim ocherkom I. Kubikova i portr. avtora* [Complete works: with a critical and biographical essay by I. Kubikov and portrait of the author]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1928, vol. 2: Povol'niki [Brigands], pp. 7–68.

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Симонова, кандидат филологических наук

Information about the author

Olga A. Simonova, Candidate of Sciences (Philology)